

P1(c132)

K 29

8-III

K 41919

cka

Р1(с132)

Т.К. К29

Т.К. К29

СТИХОТВОРЕНІЯ

Евфима Львовича

КАТАНСКАГО.

Секретаря Тульской Уѣздной Полиціи.

ЧАСТЬ III-я.

Издание А. Д. ЛЬВОВА.

ТУЛА.

Типографія и литографія Е. И. Дружининой, Кіевская ул., д. Кольцова.

1896.

Дозволено цензурою. Москва. 3 Іюня 1895 года.

Гибель у цѣли.

Надъ быстрой широкой рѣкою
Хищникъ пернатый леталъ
И взоръ адскій съ жадностью злою
Съ выси на землю бросалъ;
Искалъ онъ добычи кровавой,
Слѣдилъ за нею вездѣ:
Искалъ ея въ области травной,
Въ быстрой прозрачной рѣкѣ.—
Всѣ птички за жизнь трепетали,
Видя врага своего,
Укрыться въ травѣ поснѣшали,
Летѣли въ лѣсъ отъ него;
Умолкли,—не слышно ихъ крика,
Тишь водворилася вдругъ,
Опасность для птичекъ велика,—
Всѣ превратилися въ слухъ;
Тревожно сердечки ихъ бьются:
Всѣхъ ожидаетъ бѣда,—
Въ кого то вонзятся, вопьются

Острые когти врага?
Кого то судьба намѣчаетъ
На завтракъ злому врагу?
Голодный онъ въ выси летаетъ,
Такъ завтракъ нуженъ ему.—
Но въ водной стихіи, казалось,
Нетакъ страшились его:
Отважная щука плескалась,
Зыбь не скрывала ее;
Неробкую хищницу злую
Хищникъ намѣтилъ схватить,
Онъ въ гладкую спину, крутую
Задумалъ когти вонзить;
Быстро изъ подъ облакъ помчался
Прямой чертою къ рѣкѣ,—
Вотъ цѣли достигъ, наслаждался—
Когти ужъ были въ спинѣ;
Но въ этотъ моментъ поразила
Его судьба наповаль:
У хищника силъ не хватило —
Хищницы онъ не поднялъ.—
Зубастая щука нырнула
На дно врага увлекла,—
Пернатое царство вздохнуло—
Бѣда была, да прошла.

Много въ жизни встрѣчалось мнѣ
Жадныхъ коварныхъ людей,—
Но чтожъ?—всѣ поныряли,—на днѣ,
Отъ глупой страсти своей.

Зернышко.

Зернышко цвѣтное!
Въ могилу ложись,—
Не крушись, родное,
Съ долею мирись!
Не страшна могила
Подъ солнцемъ ни гдѣ,—
Мнѣ мать говорила
И вѣрится мнѣ.—
Пошлетъ небо влагу,
Дастъ солнце тепло
И тебя, бѣднягу,
Воскреситъ оно;
Раненько весною
Стебелекъ дашь ты,
Порастешь травою,
Перейдешь въ цвѣты;
Дыхнешь ароматъ,
Освѣжишь мнѣ грудь,
Дороже, чѣмъ златомъ,

Наградишь за трудъ;
 И я благодарный
 Подойду къ тебѣ,
 Цвѣтокъ ароматный
 Унесу къ себѣ;
 Для него наполню
 Я вазу водой,
 Его въ ней устрою—
 Жить будетъ со мной;
 Поживетъ онъ мало,
 Но выучусь я—
 Познаю,—нѣтъ жала
 Въ смерти для меня!
 И пойду ко гробу
 Веселой стопой,
 Въ земную утробу
 Ляжу не съ тоской,
 А съ вѣрой, что встану,
 Какъ встала и ты,
 На міръ также взгляну,
 Какъ твои цвѣты.

У т р о.

Вотъ солнце на міръ глянуло, —
 Проснулося все вдругъ, —

Во всемъ, что снало, вянуло
Ожилъ житейскій духъ.—
Вотъ травка оросилася,
Цвѣточки разцвѣли,
Вся роща освѣтилася,
Искрятся ручейки;
Проснулись пташки пѣвчія,
Составили хоры,—
Несутся звуки нѣжные
Чрезъ долины въ горы;
На пасѣкахъ сгустилася
Златая мошкара,
На солнцѣ обсушилася,—
На промыслы пошла;
Летить, жужжить и съ радостью
Присядетъ на цвѣтокъ,
Вопьется въ него съ жадностью,—
Весь выберетъ медокъ;
И съ пѣсней тонкой, звонкою
Въ обратный путь летить,—
На зимушку холодную
Запасецъ положить.—
Поднялися ночлежники,—
Ведутъ коней въ село,
И носятся мятежники

Надъ прудомъ высоко;
Они подъ небомъ плаваютъ,—
Добычу стерегутъ,
На низъ тогда пожалуютъ,
Когда ее найдутъ;
Съ горы къ пруду спускается
Животная семья
И плетью направляется
На тучныя поля;—
Коровушекъ мычаніе
И хрюканье свиней,
Овчарное бліаніе,
Гагаканье гусей—
Въ одинъ гулъ все сливается—
Гармонія утра!
Все утромъ улыбается—
И небо и земля!
Звукъ колокола слышется
Далеко по зорѣ,
И рядъ старушекъ движется
Къ заутрени—въ селѣ;
По всюду хаты топятся,
Клубится изъ трубъ дымъ
И запахъ блинный носится—
Поминки, знать, роднымъ.

Зеркало.

Если бѣ зеркало мое
Души отражало,
Тогда сердце бы мое
Въ жизни не страдало,—
Я замѣтилъ бы людей
Съ злобными сердцами,
Ихъ бѣжалъ бы, какъ звѣрей
Съ хищными зубами;—
Скрылся бѣ въ хату и сидѣлъ
Безвыходно дома,—
Ни съ кѣмъ дружбы не имѣлъ
До самого гроба;
А какъ въ зеркалѣ-то нѣтъ
Желаннаго свойства,
То служу мишенью бѣдѣ,—
Терплю отъ разбойства!
По наружности сужу
И въ яму сажуся,—
Змѣя въ другѣ нахожу—
Отъ друга явлюся!
Вчера другу я внималъ,—
Вѣрилъ безъ сомнѣнья,
Нынѣ жѣ другъ меня продалъ—

Страшное мученье!
 Жизнь вездѣ противна тамъ,
 Гдѣ одинъ Іуда
 По селамъ и городамъ—
 Встрѣчается всюду.—

Спящія.

Спитъ малютка,—сна картина
 Взору лестна и мила:
 Не грызетъ змѣя—морщина
 Его нѣжнаго чела,—
 Глазки вѣками закрыты,
 Но улыбочка видна,
 Щеки краскою покрыты,
 Улыбаются уста;
 Ни чуть скорби незамѣтно,
 Не вздыхаетъ онъ во снѣ,—
 Спитъ спокойно, безмятежно
 И съ отрадою въ душѣ;
 Созерцаетъ неземное—
 Въ мірѣ ангельскомъ гоститъ;
 Тихо бьется ретивое,
 Кровь спокойна—не кишитъ!
 Посмотри же на родную!
 Хоть и спитъ она, какъ онъ,

Но ее жизнь трудовую
 Отражаетъ ея сонъ:
 Лицо сумракомъ покрыто,
 Видна дума на челѣ,
 Все морщинами изрыто, —
 Нѣтъ румянца на щекѣ;
 Тяжело порой вздыхаетъ,
 Нѣтъ покоя и во снѣ,
 Грудь лебяжая страдаетъ
 Отъ заботъ, тревогъ въ семьѣ. —
 Дѣти, дѣти—какъ вы больны
 Сердцу матери своей?
 Вы презрѣнія достойны,
 Коль досадуете ей!

Заповѣдь.

Какъ проснешься, другъ, дитя,
 Богу помолися,
 Мамы слушайся всегда—
 Ни чуть не лѣнися!
 Какъ прикажетъ, дѣлай такъ,
 Къ мамѣ имѣй вѣру!
 Не капризнячай никакъ,
 Не шали чрезъ-мѣру. —
 Все, что нужно, дѣлай самъ,

Не тревожь прислуги!
Привыкай съ утра къ трудамъ,
Дѣлай самъ услуги!
Ты не знаешь, что съ тобой
На вѣку случится,
И богачъ въ жизни съ сумой
Порою дружится;
Возрастъ старшій уважай,
Не глядя на личность,
Силу, знатность забывай:
Ты для нихъ безличность;—
Будь вельможа папа твой,—
Да ты-то не знаешь—
То ль повстрѣтится съ тобой,
Чего ожидаешь?
На вѣку, другъ, червяку
Отвѣсишь поклоны
И съ титулами въ тюрьму
Упекутъ законы;
Если жъ въ бѣдности растешь—
Не тужи, молися!
Коли хлѣба не найдешь,—
Голоднымъ ложися;
Но грудь мамы не тревожь—
Безъ тебя ей больно,—

А всѣ бѣды терпи сплошь
 Молча и спокойно;
 Съ дѣтства къ горю привыкать
 Всѣмъ необходимо,
 Чтобы жить, не плутовать,
 Умереть счастливо.

Тайная дума.

Дума моя, думушка
 Тяжела ты мнѣ!
 Змѣею голубушка
 Лежишь на душѣ;
 Голову усталую
 Мутишь день и ночь
 И грудь мою впалую
 Теребишь не вмочь;
 Дѣтей куча цѣлая,
 А гнѣзда имъ нѣтъ;
 Копѣйки получаю,
 Рублевый расходъ,
 Долги лишь наживаю,—
 Залѣзаю въ мотъ;
 Кредиторы коробомъ
 Осаждаютъ домъ;
 Недоволенъ городомъ—

Надоѣлъ мнѣ онъ;
Ни къ павамъ, ни къ воронамъ
Не присталь вотъ я,
А умные къ уродамъ
Относятъ меня;
Съ волею незнаюся—
Чужою живу;
Лестью прикрываюся.

У р о ж а й.

Мнѣ не можется—
На груди тоска
Змѣей возится,—
Вотъ иду тогда!
На поля смотрю—
Золотымъ ковромъ
Подъ сводомъ небесъ
Нивы стелятся;
Отдыхаетъ грудь,
Сердцу радостно:
Наградился трудъ
Всѣмъ достаточно!
Еще день пройдетъ
И серпы возьмутъ,
На поля пойдутъ

Съ пѣснью звонкою;
Жать начнутъ съ утра,
И безъ устали
До заката дня,
Вплоть до вечера;
Поснесутъ снопы,
Въ копны сложать ихъ,
Понавѣютъ возы
И погонять ихъ;
Вереницею
Обозъ тянется,
По гумнамъ народъ
Дождидается;
Тутъ и тамъ скирда
Въ одинъ день-вездѣ,
На большомъ селѣ
Вдругъ покажется;
Вотъ возьмутъ цѣпы,
Молотить начнутъ,
Понавѣютъ мѣшки,
На помоль свезутъ;
Привезутъ муки,
Печь затопится,
Запекутъ блинки
Всѣ, какъ водится,

Напекутъ блиновъ,
Штофъ вина возьмутъ,
Поминать дѣдовъ
На погостъ пойдутъ.

Призывъ къ дружбѣ.

Слушайте люди,—давайте дружить!
Путь нашъ неровный, дорога скользить.
Забудемъ тревогу,
Пойдемъ нога въ ногу,—
Жизнь, что гора,
Хоть и крута,
Справимся съ ней!
Въ горѣ на горе не будемъ глядѣть,
Знайτε,—отъ горя легко умереть:
Земныя утробы—
Могила и гробы—
Готовы тѣмъ,
Кто боленъ всѣмъ,—
Не хочетъ жить.—
На морѣ житейскомъ тотъ лишь унылъ,
Кто въ жизни жизни огонь потушилъ:
Унынье-губитель,
Тоска-разрушитель,
Только увянь

Тоска-разрушитель,
 Только увянь
 И дѣло—дрянь:
 Сердце сгрызуть!
 Въ жизни для жизни обѣты даютъ,
 Друзья-жъ изъ дружбы на радостяхъ
 пьютъ;

Такъ наши обѣты
 Пусть знаютъ сосѣды,—
 Мы не на то
 Пьемъ вотъ вино,
 Чтобъ плакать намъ;—
 А руки протянемъ, смѣлѣй пойдёмъ!
 Съ собой отвагу въ дорогу возьмемъ:
 Зыбь адскаго горя,
 Вирь живаго моря,—
 Всѣ напасти
 Мы безъ страсти
 Бавой пройдемъ!

Пробужденіе.

Она со мной, она со мной!
 Ея дыханье слышу я,
 Ее ищу во тьмѣ ночной,—
 Но нѣтъ! то сонъ—обмануть я!

Течетъ слеза, вздыхаетъ грудь
 И сердце бѣдное болить,
 Тоска въ груди,—нельзя уснуть,—
 А какъ она? Спокойно спить;
 Разбила жизнь, поправа все,
 Еще смѣется надо мной,—
 За что же я люблю ее?—
 Какъ, сердце, глупо все твое!
 Вотъ бьютъ часы полночный часъ.—
 О, будь мнѣ полночь роковой!
 Еще хочу сразиться разъ
 Съ коварной, злобною судьбой!—
 Любовь забуду, связь порву
 И такъ прощуся съ ней навѣкъ;
 Спокойной жизнью заживу,—
 И буду славный человѣкъ!

Къ сердцу.

Ахъ, сердце, сердце—успокойся!
 Забудь прошедшее ты все,
 Къ дорогѣ новой приготовься—
 Такое счастье мое!
 Всю жизнь ты билося любовью,
 Теперь любовь должна забыть;
 Смирись предъ грозною судьбою,

Терпи все то, что Рокъ велитъ.
 Несносно больно? Покорися,
 Слеза страданье облегчитъ,
 Съ жестокой долею мирися,—
 Судьба слезу твою отмститъ.—
 Я вижу вотъ туча заходитъ
 И громъ гремитъ невдалекѣ;
 Стрѣла виновника находитъ,
 Разить измѣнника вездѣ;
 Я вижу—небо прояснилось
 И свѣтитъ солнце, такъ свѣтло,
 И слышу снова ты забилося
 И бьешься такъ легко, легко!

С у д ь б а.

Вотъ несплю я ночь, другую,—
 Думу думаю одну—
 Разбираю роковую
 Неизбѣжную судьбу.—
 Есть у насъ что то такое,
 Что идетъ за нами въ слѣдъ,
 Что то сильное, крутое,
 Съ чѣмъ сражаться—мочи нѣтъ!—
 Судьба нами управляетъ
 Независимо отъ насъ,

И под-часъ насъ награждаетъ
Нежелательнымъ для насъ.—
Мой Иванъ всегда былъ веселъ,—
Всегда пѣсенки пѣвалъ,
Но вдругъ голову повѣсилъ,
Сталъ угрюмъ и заскучалъ;
Я, замѣтивъ перемѣну,
Сталъ Ивану говорить;
Но Иванъ и по секрету
Не хотѣлъ тайны открыть;
Въ одно утро онъ стрѣлялся,
Другимъ утромъ въ мотъ попалъ,—
Съ смертью два раза встрѣчался,
Но не умеръ,—такъ Богъ далъ!—
Разъ предъ ночью въ Воскресенье
Освѣтился ярко храмъ,—
Въ немъ народу—наводненье:
Въ бракъ вступала пара тамъ.—
Люди всѣ невѣсту знали,
Но не знали жениха,—
И тихонько разсуждали
Пре Ивана-бѣдняка.—
„Вѣдь не Петръ, Иванъ томился
„Въ ожиданіи вѣнца,
„И съ невѣстою любился

„Съ разрѣшенія отца“.
О измѣнѣ и помину
Не могло быть никогда:
Разорвать любви картину —
Было подлостью всегда;
Да и можно ли сердцами
Играть въ жизни, какъ струной, —
Если любимъ не словами,
А всѣмъ тѣломъ и душой?
Голубки пять дней считали
До блаженства своего,
Обо всемъ они мечтали
О любви — впередъ всего;
Но прибылъ отецъ невесты,
Первернулось все вверхъ дномъ,
Онъ пріѣхалъ изъ Одессы
Съ старымъ денежнымъ вдовцомъ;
Ему долженъ онъ былъ много,
Вздумалъ дочкой долгъ отдать, —
Кликнулъ дочку и ей строго
Велѣлъ старца обожать;
Полюбить того Мазепу
Дочь, конечно, не могла;
Купецъ зналъ про тайну эту
И вотъ въ ходъ казна пошла, —

Накупилъ онъ ей нарядовъ,
Горсть брилліантовъ подарилъ,
И младое сердце ядомъ
Отъ Ивана отвратилъ;
Отъ подарковъ умъ затмился,
Превратилась грудь въ металлъ—
Старый дьяволъ полюбился,
А Иванъ пропалъ,—
Бѣднякъ этою порой;
Наконецъ съ зломъ помирился,
Сказалъ милой: „Богъ съ тобой!“
Такъ невѣста измѣнилась,—
Сгибла первая любовь,
На богатство такъ польстилась,
Что невѣстой стала вновь,—
И невѣстою урода—
Золотого старика;
На глазахъ всего народа
Съ нимъ вѣнчалася она,
При вѣнчаніи Иванъ въ храмъ
На измѣнницу глядѣлъ,
Она въ счастіи и славѣ,
А онъ плакалъ и блѣднѣлъ;
Страшно сердце Вани билось,

Непредвидѣло добра,
 И добра не совершилось,—
 Вдругъ нагрянула бѣда!—
 Обрядъ брачный совершился,
 Брачныхъ встрѣтилъ кровь родной,
 Каждый гость тутъ веселился,
 Скученъ былъ лишь молодой;
 Онъ кряхтѣлъ и пожимался,
 На всѣхъ сумрачно глядѣлъ;
 Въ домѣ разъ поцѣловался
 И вдругъ страшно захрипѣлъ!—
 Апоплексія убила
 Молодого за столомъ
 И все мигомъ разорила,
 Что вязалось вѣнцомъ;—
 Пиръ мгновенно прекратился,
 На столѣ мертвецъ лежалъ,
 Изъ кадила дымъ клубился
 И псалтирь дьячекъ читалъ.

Б ы л ь.

Хатка завалилась—
 Коломъ подперта,
 И вся просквозилась—
 Дырява, гнила,

Безъ стеколъ двѣ рамы,
Двери безъ петель,
Оторваны ставни—
Пошли на постель.
Въ хатѣ помѣщенья
Комната одна;
Нѣтъ въ ней украшенья
Видна бѣдность!
Столъ стоитъ безногій,
Стульевъ вовсе нѣтъ,
Одинъ лишь убогій
Видѣнъ табуретъ;
Печка развалилась
И нужды въ ней нѣтъ:
Въ хатѣ неводилось
Готовить обѣдъ,
Голодъ утолялся
Хлѣбушкомъ однимъ,
Чайкомъ запивался
Жиденькимъ сквознымъ;
Люди вѣдь не знаютъ,
Чѣмъ набить животъ?
О насъ понимаютъ
По собору модъ;
Изъ гнилушки этой

Красотка одна
Вышла разодѣтой—
Въ цвѣтахъ, какъ весна,—
Платьеце—по модѣ,
Шляпочка съ перомъ,
Словомъ, въ гардиробѣ,
Исправность во всемъ;
Солнца хоть не видно,
А зонтикъ въ рукахъ
И скрипитъ солидно—
Въ новыхъ башмакахъ;
Къ кремлю поспѣшаетъ,—
Тамъ гулянье есть,
Дорогой мечтаетъ
Кавалеровъ ѣсть,
Заводъ ей патронный
Надоѣлъ давно;
Духъ неугомонный
Парить высоко;
Зависть одолѣла—
Глядитъ словно левъ,
Всѣхъ бы вотъ поѣла
Благородныхъ дѣвъ!
Имъ неуступаетъ
Въ прелести она,

Всѣхъ перщеголяетъ!
Прельщать создана.—
Вотъ глазки, головка,
Румянецъ лица,
И грудь у илутовки
Роскошна, пышна,
Говорить логично,
Рѣчь мила, чиста,
Когда-то отлично
Училась она;
Сторонкою ходить
По саду краса,
Огонекъ разводить,—
Комаровъ толпа—
Морскихъ, заграничныхъ,
Ученыхъ, простыхъ,
Губернскихъ, столичныхъ
И разныхъ другихъ,—
Всѣ съ жаломъ стремятся
Къ красоткѣ они,
Спѣшать, суетсяя,
Какъ крѣпость Измаиль,
Красотка тверда,
И всѣхъ тѣхъ, кто таялъ—

Жестока судьба!
 Съ улыбкой взглянетъ,
 И взоръ ея вдругъ
 Въ сѣть франтика тянетъ,
 Какъ муху паукъ;
 Кареты, коляски
 За полночь ужъ ждутъ,
 А теплыя ласки
 Къ красотѣ не льнутъ;
 Мужчинъ краса знаетъ
 И отъ ласки ихъ
 Она убѣгаетъ,
 Какъ волкъ отъ борзыхъ;
 Такъ ночь всю сражались
 Красота и страсть;
 Съ зарею разстались —
 Случилась напасть.

Сельскій праздникъ.

Праздникъ съ полуночи
 Въ селѣ наступилъ, —
 Всѣхъ открылись очи,
 Всѣхъ онъ разбудилъ!
 Трубы отдымились
 Еще до зари,

Хаты истопились,
Припаслись харчи;
Съ зарею носился
Запахъ харчевой,
Аппетитъ томился
Лакомой ѣдой;
Съ солнышкомъ убраны
Хаты всѣ подрядъ,
Отперлись чуланы,
Достали нарядъ:
Красные сарфаны
Въ подолахъ съ парчей,
Платочки и шали
Съ цвѣтной бахромой;
Фартуки, сережки,
Ленты, перстеньки,
Съ скрипомъ полсапожки,
Съ пряжкой пояски;
Съ мыломъ вотъ умылись,
Косы заплели,
Богу помолились
И въ клѣти пошли;
Въ нарядъ нарядились
Шитый расписной,—
Старость измѣнилась —

Смотрить молодой;
Какъ лебедки бѣлы,
Съ краской на щекахъ,
На улицѣ дѣвы
Съ лентами въ косахъ
Сошлись хороводомъ
И на храмъ глядятъ,—
Ждутъ, когда въ храмъ звономъ
На сборъ повѣстятъ.—
Въ кумачныхъ рубахахъ,
Въ дутыхъ сапогахъ,
Въ плисовыхъ шарварахъ,
Въ новыхъ картузахъ
Парни молодые
Сбоцъ дѣвицъ стоятъ,
Взоры огневые
Сердца дѣвъ язвятъ,—
Шутки, разговоры
Парочки ведутъ;
Матушкины взоры
Воли не даютъ.—
Благовѣсть раздался,
Въ храмъ вошелъ народъ,
Въ храмъ не вмѣщался,
Стоялъ до воротъ;

Отъ воротъ къ базару
Два ряда слѣпцовъ
Поютъ про Варвару
Псалму изъ стиховъ.—
Весело, отрадно,
Легко на душѣ,
Въ храмѣ все нарядно—
Торжество вездѣ!
Свѣчи поставныя
Солнцами блестятъ,
Свѣчи даровыя
Звѣздами горятъ;
Изъ школы народной
Хоръ пѣвчихъ поетъ,
Звукъ пріятный, нотный,
Душу въ рай влечетъ;
Сердце улетаеть
Къ ангельскимъ семьямъ
И грудь ощущаетъ
Святой ѳиміамъ;
Окончилась служба,
На базаръ идутъ,—
Посмотрѣть всѣмъ нужно,
Что тамъ продаютъ;
Ярмарка сбочъ храма,

Товару—бугры!
Всего панорама—
Навезли купцы.—
Всѣ на угощенье
Спѣшать закупить
Плодовъ и печенья:
Гостей погостить.—
Вѣсы не гуляютъ,
Купцамъ суета!
Лавки осаждаютъ,—
Народу толпа!
Но вотъ закупились,
По домамъ пошли,
Дома суетились—
Гости понашли!
Съ поклономъ садили
За столъ всѣхъ гостей,
Имъ постановили
Вина и харчей—
Пѣтуха, просенка,
Куриныхъ яицъ,
Лопатку теленка,
Ситныхъ пеленицъ;
Вотъ перекрестившись,
Хозяинъ штофъ взялъ,

Гостямъ, поклонившись,
Подносить началъ:
Своему здоровью
Конечно впередъ
И гостей угодно—
Хозяюшкѣ вотъ;
Затѣмъ по порядку
Съ святаго угла,
Для cadaго чарку
Наливалъ вина;
За одной, по другой
И по третьей пьютъ;
По четвертой, шестой—
Промахъ не даютъ!
Такъ все шло, да и шло,
Дошло до того,
Что въ нутро не пошло:
Но хозяйка свое—
Знаетъ лишь привѣтъ,
Не глядитъ ни на что,
Подаетъ обѣдъ;—
Вотъ щи съ солониной,
Лапша со свѣжиной,
Пироги съ малиной,

Каравай съ сытой;
И хозяинъ не спалъ,
За каждой ѣдой
Онъ гостямъ подавалъ
Стаканъ чередой;
Но потускли глаза—
Гости чуть глядятъ,
Позамкнули уста,
Харчей не ѣдятъ;
Нарушать же обѣдъ
Не приходится,
На столъ каши нѣтъ
Ждутъ, какъ водится;
Ну—вотъ какъ пришла,
Прошла выпивка,
А за кашей пошла
Гостямъ высадка;
Опустѣлъ браный столъ—
Вышли гости вонъ,
Помолились въ уголь,
Хозяямъ—поклонъ
Отдаютъ и идутъ
Въ прохладу на дворъ;
Ноги чуть волокутъ,
Умолкъ разговоръ;

Положилися всѣ,
 Какъ пришлось кому,
 На пыли, на травѣ
 И предались сну;
 Захрапѣли тогда
 Всѣ какъ слѣдуетъ,
 Лишь хозяйка одна
 О всемъ сѣтуетъ:
 Кому снопъ вголова,
 А кому чекмень,
 И не знала она
 Покоя весь день!

А р т е м ѣ.

Артемъ съ дѣтства съ жизнью бился,
 Гора много перенесъ,
 Съ горькой долею онъ сжился,
 Въ горѣ росъ онъ и возросъ,
 Въ восемнадцать лѣтъ отъ роду,
 Свою свадьбу онъ сыгралъ,
 Взялъ жену хоть не уроду,
 Но изъ бѣдныхъ ее взялъ;
 Жена горя не боялась,
 Пара равная была,
 Бѣдность зломъ ей не казалась,

Такъ какъ въ бѣдности росла.—
У Артема была хата
Очень стара и гнила,
Но хозяйка таровата
И гнилушки берегла;
Стѣны смазала всѣ глиной
И снаружи и внутри,
Завелася и скотиной—
Была свинка, овцы три,
И курей было съ десятокъ,
Завела и огородъ;
Во всемъ былъ у ней порядокъ
И любилъ ее народъ,—
Не была на брань задорна,
На языкъ была скромна;
И Артема такъ любила,
Что покоила во всемъ,
Въ раздраженъе не вводила,
Не перечила ни въ чемъ;
И, какъ старыхъ схоронили,
Жизнь ихъ справилась снолна,
Въ трудахъ время проводили,
Безъ работы—никогда.—
При трудахъ хлѣба хватало
Имъ на цѣлый круглый годъ,

Словомъ, пара проживала
Мирно, тихо,—безъ невзгодъ;
Пока ихъ судьба щадила,
Дѣтокъ не было у нихъ,
Время жизни проходило
Въ однѣхъ радостяхъ для нихъ;
На шестой годъ въ награжденье
Судьба сына имъ дала,
Съ этихъ поръ, какъ наводненье,
Къ нимъ нахлынула бѣда.—
Кажегодки пошли рядомъ—
За семь лѣтъ—семь человѣкъ;
Жизнь супруговъ стала адомъ:
Превратила ихъ въ калѣкъ.
Недостатокъ во всемъ полный,
Дѣти ходятъ въ лохмотахъ
И на праздникъ на престольный
Нѣтъ говядины во щахъ.—
Дѣти малы отлучится
Нельзя матери отъ нихъ,
И Артему пришлось биться
Одному въ дѣлахъ крутыхъ;
Въ однѣ жъ руки добыть хлѣба
На немалую семью
Трудно съ помощью неба,

А нетолько одному.—
И Артемъ вотъ затянулся,
Отъ работы заболѣлъ,
Въ одинъ день распухъ, раздулся,
Звать священника велѣлъ;
Вотъ священникъ дѣло сдѣлалъ,
Посоветовалъ ему,
Чтобъ въ больницу скорѣй ѣхалъ:
Лѣкаръ дать лѣкарствъ ему;
У сосѣда со слезами
Добыла коня жена,
Поубралася съ дѣлами,
Сама мужа повезла;
Мужъ умереть навѣрняка,
Жена мужу объявила
Этотъ смертный приговоръ,
Всю дорогу голосила,
Съ слезой въѣхала на дворъ.—
Дѣти малыя вскричали,
Мать увидѣвши въ слезахъ,
Но бѣды не понимали,—
Не тревожилъ грудь ихъ страхъ;
Мать ихъ хлѣбомъ одѣлила—
И умолкла дѣтвора;
Въ постель мужа уложила

И задумалась тогда.—
 Мысли страшныя роились
 Въ нѣдрахъ бѣдной головы,
 И изъ глазъ слезы струились,
 Слезы будущей вдовы.
 Больной все то замѣчаетъ,
 Но спокоенъ духомъ онъ:
 Въ сердцѣ вѣра обитаетъ,
 Воля Божія—законъ!
 Устремилъ взоръ на икону
 И молился тайно онъ,
 Чужалъ онъ, небыть живому,
 Молилъ Бога обо всемъ;
 Черезъ часъ онъ приподнялся,
 Грудной крестъ поцѣловалъ,
 Какъ здоровый, улыбался,
 Подозвавъ жену, сказалъ:
 „Бѣдность намъ съ тобой знакома
 „И сума намъ не страшна,
 „Побираться будь готова,
 „Пока мала дѣтвора;
 „Подростутъ,—бѣду проводишь
 „И въ довольствѣ заживешь;
 „За меня Творца помолишь
 „И на кладбище придешь,

„И помянешь пирогами,
„Какъ богатая семья,
„Оросишь мой прахъ слезами,
„И доволенъ буду я;
„А теперь давай простимся
„И простимся навсегда!
„Вотъ икона, перкрестимся,
„Поцѣлуемся жена!
„Не плачь, будь, другъ, равнодушна
„И слезу побереги,
„Въ горѣ будь не малодушна,
„Понапрасну не грусти;
„Собери ко мнѣ всѣхъ дѣтокъ,
„Я прощусь, благословлю!
„Не дождаться мнѣ засвѣтокъ,
„Чую, въ полдень, я умру!“
Мать дѣтей къ отцу приводитъ,
Ихъ отецъ благословилъ,
Тайно, молча, слезу ронить,
Всѣмъ „терпите“ говорилъ.
Улыбаются глазенки,—
Непонятно имъ все то,
Не текутъ изъ глазъ слезенки,
Не страшить ихъ сиротство!
Вотъ полудни наступили,

Отецъ тяжело задышалъ,
 Богу свѣчку затеплили,
 Онъ молитву прочиталъ;
 На семью взглянулъ съ слезою,
 На себя крестъ положилъ,
 Той минутой роковою
 Духъ на вѣки испустилъ.—
 Что съ семьею дальше было?
 О томъ лучше умолчать,—
 Все что было, то убыло,—
 Тяжко грусть воспоминать!
 На другой день домовище
 Народъ сельскій провожалъ
 И на новомъ на кладбищѣ
 Его въ яму закопалъ.—

Ж и з н ь.

Это тоже, что и море,
 Есть приливъ, отливъ на немъ,
 Здѣсь за счастьемъ течетъ горе,—
 Чередуются вдвоемъ.—
 Нынѣ славенъ, знаменитъ,
 Завтра низокъ, не великъ,
 Нынѣ грудь во арденахъ,
 Завтра все объемлетъ прахъ,

Нынѣ ѣздишь ты въ каретѣ,
 Завтра бродишь съ костьюлемъ;
 Такъ на жалкомъ бѣломъ свѣтѣ
 Жизнь равняется съ нулемъ:
 Нулемъ мѣсто занимаютъ,
 Когда нѣтъ цифры другой,
 А когда ее встрѣчаютъ,
 Нуль стирается рукой.—

Мельникъ Абрамъ.

Грачи кричатъ—
 Пришла весна!
 Ручьи шумятъ—
 Пошла вода!
 На мельницѣ
 Скандалъ идетъ,
 Напоръ воды
 Плотину рветъ!
 И мой Абрамъ
 Не знаетъ тамъ,
 Какъ съ злой бѣдой
 Управиться;
 Навозу нѣтъ
 Ни крошечки,
 Лозинки нѣтъ

И хворосту;
 Промойна жъ
 Бездонная!
 Бѣда идетъ
 Мильенная.
 Надѣлъ треухъ
 И, какъ индюхъ,
 Абрамъ почалъ
 Тревожиться;
 Скопилась грусть;
 Свалилась въ грудь,—
 На всю бѣду
 Махнулъ рукой,
 Хоть мельницу
 Неси долой!

Бедуинъ—арабъ.

(БЫЛЬ.)

Ночь, а нѣтъ сна Деарбеку—
 Огни свѣтятся вездѣ:
 Масульмане идутъ въ Мекку,
 Ночь проводятъ въ суетѣ.—
 Дома всѣ подрядъ дымятся,
 Запахъ носится харчей,
 Всѣ хозяйки суетятся,

Чтобъ управиться скорѣй;
Верблюды грузятся товаромъ,
Снаряжаютъ его въ путь,
Соберутся караваномъ
Черезъ пустыню всѣ пойдутъ. —
Полна ужасовъ пустыня,
Угрожаетъ всѣмъ она:
Стрѣлой мѣткой бедуина,
Кровожадной лапой льва;
Правовѣрныхъ берегутъ, —
Ихъ въ пути оберегаютъ —
Отрядъ воиновъ даетъ.
Наканунѣ отправления
Командиромъ приказъ данъ,
Чтобъ зарей безъ исключенья
Быль готовъ въ путь караванъ. —
Ну, вотъ зорька появилась,
Всѣ повышли изъ домовъ,
Площадь разомъ вся покрылась
Стадомъ вьючныхъ верблюдовъ;
Въ путь готовы, ждутъ Османа,
Показалась пыль вдали:
Путевая шла охрана,
Османъ ѣхалъ впереди;
Его конь, въ путь снаряженный,

Блисталъ въ сбруѣ серебромъ,
Османъ сильно оруженный
Былъ съ задумчивымъ челомъ;
Толпа чинно разступилась,
Честъ Осману отдала,
Дверь мечети растворилась,
Показался вотъ мулла;
Онъ прочелъ стихъ изъ корана,
Аллы милость испросилъ,
И мечъ—даръ отъ каравана,
Тутъ Осману подарилъ.—
Славенъ, силенъ и храбръ Османъ,
Весь народъ его любилъ,—
Водилъ пять разъ онъ караванъ,
Никого не погубилъ!
Вождь подарокъ принимаетъ,
Нищимъ деньги раздаетъ,
Караванъ въ путь направляетъ
И самъ ѣдетъ напередъ.—
Прошли городъ, затворились
Городскія ворота,
Вотъ поклонники съ глазъ скрылись,
Вотъ пустыня, по пустынь
Идетъ тихо караванъ,
Османъ ѣдетъ по срединѣ,

Смотритъ онъ на даль всѣхъ странъ;
Смотритъ зорко! —бедуины
Всѣ разбоемъ тутъ живутъ,
Всѣхъ прохожихъ по пустынь
Они зорко стерегутъ;
Изъ засады въ разсыпную
Грянуть вдругъ на караванъ,
И бываетъ зачастою
Страшный дѣлаютъ изъянъ. —
Вдругъ Осману показалось —
Ѣдетъ кто-то въ сторонѣ;
Подозрѣнье въ мысли вкралось,
Приподнялся на сѣдлѣ;
Приглядѣлся, коня шпорить,
Поднялася пыль столбомъ,
Вотъ примчалъ, въ гнѣвъъ приходитъ —
Бедуинъ ѣхалъ верхомъ;
Его конь арабской крови
Очень строенъ и красивъ,
И Османъ нахмурилъ брови,
Грозно спутника спросилъ:
„Скажи мнѣ, злодѣй пустыни,
„Куда держишь путь ты свой?
„Въ какой край, — къ какой долинь
„Тебя мчитъ конь дорогой?“

„Твой вопросъ, вопросъ напрасный,
 Я арабъ, но масульманъ;
 Въ Мекку ѣзжу я годъ каждый,
 Этотъ городъ общій намъ;
 Для васъ Мекка—градъ священный,
 И для насъ—городъ святой;
 Какъ и ты, я правовѣрный,
 И поклонникъ я простой;
 Какъ чтутъ турки Магомета,
 Такъ и я пророка чту,
 И какъ вамъ,—дорога эта,
 Мнѣ знакома на вѣку“
 —„Вѣрю, вижу ты поклонникъ,
 „Знаю ты и масульманъ;
 „Но по вѣрѣ—ты намъ сродникъ,
 „А чуждъ намъ ты по дѣламъ.
 „Турки храбры, сильны, смѣлы,
 „Сердце турокъ есть любовь,
 „Милосердье турокъ—нервы,
 „Справедливость турокъ—кровь;
 „Честность турокъ прославляютъ
 „Всѣ народы на землѣ!
 „Образцомъ всѣ ихъ считаютъ,
 „И въ примѣръ берутъ себѣ;
 „А вы,—жалкіе арабы,

„Чѣмъ прославили себя?
 „Вы достойны ханской кары,
 „Какъ разбойничья семья;
 „Нѣтъ ни совѣсти, ни чести,
 „Грабежомъ живете вы,
 „Для пророка—сыны мести,
 „Кровожады вы какъ львы;
 „Ежегодно отъ султана
 „Вы берете даръ большой;
 „Чтобъ не грабить каравана,
 „Проходящаго порой;
 „Но вотъ давши обѣщанье,
 „Клятвѣ недержитесь своихъ,—
 „Ну—что скажешь въ оправданье
 „Противъ словъ моихъ святыхъ?“
 —„Отвѣтъ за мною впереди,
 А сейчасъ спѣшилъ помочь,
 Упалъ верблюдъ, вонъ тамъ гляди!
 Не поднимится, не вмошь!
 Да вотъ кажись и сѣдока
 Верблюдъ грузомъ придавилъ,—
 Спѣшимъ избавить бѣдняка,
 Пока духъ не испустилъ“.
 —„Картину вижу ясно я
 „И верблюда узнаю,

„Сѣдокъ? не тайна для меня:
 „Я купца въ немъ признаю,
 „Купца, который назадъ годъ
 „Мнѣ обиду причинилъ:
 „Изъ рукъ моихъ злодѣй, уродъ
 „Верблюда перекупилъ!
 „Вотъ перекупленная тварь
 „Ему смертію грозить,
 „И должно такъ, его не жаль!
 „Рокъ за злое ему мститъ;
 „Даже еслибъ для спасенья
 „Одно слово мнѣ сказать?
 „Такъ и въ словѣ безъ сомнѣнья
 „Я спѣшилъ бы отказать!“
 — „Ну довольно! терять время
 Не приличествуетъ мнѣ“.
 Арабъ ноги вложилъ въ стремя
 И помчался въ мигъ къ бѣдѣ;
 Подскакалъ, съ коня слезаетъ,
 Прекращается бѣда,
 Вожака освобождаетъ,
 Поднимаетъ верблюда;
 И, покончивши съ бѣдою,
 Вновь къ Осману покатилъ.
 Что-жъ онъ видитъ? Той порою

Тигръ Османа съ коня сбилъ,
Легъ на грудь и лапой страшной
Вождю смертію грозилъ;
Вотъ арабъ въ моментъ опасный
Тигру пулю въ лобъ всадилъ:
Зашатался кровожадный,
Помутились глаза,
Испустивши вздохъ ужасный,
Сталъ безвреднымъ навсегда.—
Османъ съ страха полумертвый
Изъ кармана достаетъ
Кошелекъ деньгами полный
И арабу подаетъ;
Но арабъ не принимаетъ
Того дара отъ вождя,
Благодарность отклоняетъ
И садится на коня;
Хочетъ ѣхать къ каравану,
Онъ далеко такъ ушелъ,
Но вновь новость,—тутъ къ Осману,
Видитъ, странникъ подошелъ;
Странникъ тотъ на деревяжкѣ
И подъ мышкой—съ костьюлемъ,
По лицу видно бѣдняжки
Нужду терпитъ онъ во всемъ;

Онъ отсталъ отъ каравана,
Не имѣеть ничего,
И вотъ просить онъ Османа
Милость сдѣлать для него.—
—„О вождь добрый и безстрашный!
Дай мнѣ рупію одну:
Одноземецъ твой несчастный
Терпитъ горькую нужду;
Нѣтъ воды и нѣту хлѣба,
Силы бросили, а зной
Главу палить съ высотъ неба,
Смерть летаетъ надо мной;
Въ одной рупіи спасенье,—
За нее меня свезутъ,
И тебя за милосердье
Громкой славою почтутъ.
Но Османъ непомогаетъ,—
Кошелекъ въ карманъ кладетъ,
Слезной просьбѣ не внимаетъ,
Все къ Аллаху его шлетъ!
—„Я помочь тебѣ, любезный,
„Всею душою былъ бы радъ,
„Но путь дальній, неизвѣстный,
„Много требуетъ затратъ;
„Денегъ столько я имѣю,

„Сколько нужно мнѣ на путь,
„Тратить лишняго не смѣю,—
„Непроси, напрасный трудъ!“
Арабъ, молча, вынимаетъ
Сорочинское пшено,
Съ мѣхомъ вмѣстѣ предлагаетъ
Снѣ въ даръ нищему все то:—
—„Утоли, другъ, жажду, голодъ
И садися на коня;
Недалеко лежитъ городъ,
Довезу туда тебя,
Отдохнешь тамъ отъ хворобы,
Тамъ есть добрыя сердца,
Тебя примутъ въ свои кровы
По велѣнію Творца.“
Вотъ бѣднякъ верхомъ усѣлся,
Арабъ поводъ въ руки взялъ;
Караванъ вдали виднѣлся,
Къ нему путь арабъ держалъ;
По пустынной онъ дорогѣ
Шолъ, какъ страусъ-великанъ,
Вслѣдъ за нимъ съ душой въ тревогѣ
Верхомъ ѣхалъ вождь Османъ;
Долго длилось молчанье,
Звука жизни не слыхать,

Вотъ явилосѣ желанье
 У Османа тишь прервать,—
 Поравнялся онъ съ арабомъ,
 Обращаетъ къ нему взоръ,
 Говоритъ съ обычнымъ жаромъ:
 — „Давай кончимъ былой споръ
 „Ты вѣдь далъ мнѣ обѣщанье?
 „И вотъ я отвѣта жду,
 „Или нѣту оправданья
 „Бедуинамъ на вѣку?“
 — „Вождь!—напрасно оскорбляешь:
 Тебѣ данъ отвѣтъ на все,
 И ты это понимаешь—
 Притворяешься на что?
 Повѣрь мнѣ, что всѣ народы,
 Коль присмотришься ты къ нимъ,
 Отъ рожденія уроды:
 Больше склонны къ дѣламъ злымъ;
 Что вы, турки, что арабы—
 Все вѣдь это человѣкъ;
 Въ людскомъ мірѣ же орлы, гады
 Были будутъ цѣлый вѣкъ;
 Люди добрые и злые
 Вѣкъ въ одной семьѣ живутъ;
 Но вѣдь грѣшными святыя

Одни только себя чтут!
Зло, какъ ты, всегда кичится
И быть хочетъ наверху,
Но вѣдь глупый вѣкъ гордится,
Немѣшаетъ то добру.“
Османъ слушалъ, страшно злился,
Злость скопилася въ груди,
И вотъ тайно онъ рѣшился
Отомстить другу на пути.—
Караванъ проходить городъ,
По пустынь вновъ идетъ;
Ночь настала, ночной холодъ
На покой людей влечетъ.
Вотъ оазисъ, тутъ команда
По отряду пронеслась,
И поклонниковъ—громада—
Спать подъ пальмы улеглась;
Одна стража зорко смотритъ,
Отъ набѣга стережетъ,
Часовой впередъ, назадъ ходитъ,
Тихо пѣсенку поетъ.—
Утомленный арабъ дѣломъ
Коня спуталъ и прилегъ;
Но съ усталымъ своимъ тѣломъ
Онъ со сномъ справиться немогъ;

Сонъ глубокой сомкнулъ очи,—
 Арабъ спалъ, какъ никогда,
 Спалъ, не зная, что съ этой ночи
 Съ нимъ подружится бѣда.—
 У Османовой палаткѣ
 На полу свѣча горитъ,
 Съ честолюбія въ припадкѣ
 На коврѣ Османъ лежитъ;
 Онъ не спитъ, его терзаютъ
 Бедуинскія дѣла,
 Мысли мести осаждаютъ,—
 Соблазняетъ сатана!
 Предъ зарею приказъ отданъ,
 Караванъ собрался въ путь,
 Конь араба вождю поданъ,
 А арабъ оставленъ тутъ;
 Османъ лично наблюдаетъ
 И за спящимъ сторожить,
 Онъ послѣднимъ оставляетъ
 Мѣсто, гдѣ арабъ лежитъ.—
 Лучемъ солнца пробужденный
 Арабъ на ноги встаетъ,
 Злой измѣной удивленный
 Онъ коня къ себѣ зоветъ;
 Но коня нѣтъ, нѣтъ и клажи:

Обобралъ кругомъ Османъ,
 Неотыщеть арабъ кражи:
 Ужъ далеко караванъ.—
 Такъ былъ брошенъ сынъ пустыни
 Средь пустыни безъ всего;
 Какъ онъ вышелъ изъ кручины,
 Неизвѣстно ничего!
 А Османъ, побывши въ Меккѣ,
 Въ домъ вернулся съ торжествомъ
 И до гроба въ Деарбекѣ
 Почитался образцомъ
 Милосердія и вѣры,
 Простодушія, любви;
 Его ставили въ примѣры
 Мусульманскіе цари;
 А народъ вождя Османа
 За святого почиталъ:
 При отправкѣ каравана
 Его имя воспоминалъ.—
 Такъ-то трудно человѣка
 Распознать намъ на землѣ,
 Съ нимъ живешь больше пол-вѣка,
 А не знаешь, что въ душѣ?
 Фарисеи предъ толпою
 Добродѣтели творять,

А въ пустынь и съ сумою,
Какъ разбойники, шалать.—

Разрывъ дружбы.

Напрасно долго ты скрывалась:
Давно я тайну твою зналъ!
Она въ глазахъ твоихъ являлась
И я ее всегда читалъ;
Тебя я лучше тебя знаю
И мнѣ нельзя тебя незнать,—
Вѣдь ежедневно посѣщаю
Ужъ года три—легко сказать!
И знаю я, какъ ты сражалась
Съ любовью посланной судьбой,
И какъ ни разъ ты порывалась
Покончить съ ней живой рукой!
Отъ мысли адской ты неспала
И сердце билось твое,
Отъ боли грудь твоя страдала;
Но ты презрѣла боль ее:
На сердца зовъ неотозвалась,
Пошла дорогою ума,
И вотъ со мною тутъ разсталась
И вдругъ осталась одна—
Съ слезой ни разъ бывшее вспомнишь:

И проклянешь саму себя,—
 Въ постель вѣдь сердца не уложишь
 Оно не спитъ такъ, какъ дитя;
 Порою взыщешься ты друга,
 Но не найдешь уже меня;
 Прощай злыхъ горестей подруга,
 Прощай, живи, жизнь не любя!
 Но я былъ сынъ судьбѣ покорный
 И силы мнѣ судьба подастъ
 Перенести ударъ суровый,
 Перенести и неупасть.
 Тебя въ груди носить я буду,
 Все буду видѣть, но молчать;
 Себѣ жъ огонь другой добуду,—
 Я жизнь не стану разорять.—

Совѣтъ другу

На себя, мой другъ, взгляни!
 Вѣдь ты увядаешь;
 Будь разумень—разсуди—
 По комъ ты страдаешь?
 Своенравна и горда,
 Каждый день не можетъ,—
 Спѣси вся она полна,—
 Что грудь змѣей гложетъ;

Красоты въ ней—никакой,
 Безстрастна, какъ духи,
 Сердце бьется пустотой
 Подобно старухи;
 Твоя милая давно
 Всемъ погостомъ ждется,
 Умереть ей суждено,
 И скоро придется:
 И тебѣ не миновать
 Съ кралею разлуки;
 Такъ спѣши же развязать
 Связанные руки.

О Б Ъ Т Ъ.

Ея не стало, я простился,
 Уста нѣмая цѣловалъ,
 Спокойно, молча, наклонился
 И розу въ руку ей подалъ.—
 Такъ ей живой я общался,
 И вотъ исполнилъ свой обѣтъ,
 Смотрѣлъ на мертвую, терзался:
 Пошла такъ рано на тотъ свѣтъ.—
 За что? была такъ своенравна,
 Свой вѣкъ проспорила съ судьбой,
 Хотѣла быть ей неподвластна;

Такъ вотъ мирись съ землею сырой!
 Сама виновна, ну и съ Богомъ!
 Нестойтъ плакать по тебѣ,
 Я безъ слезы пойду за гробомъ,
 Безъ слезъ скажу „прощай“ тебѣ.

Кукушки.

Въ рощѣ вѣтки колыхались:
 Тамъ дѣвицы собирались
 Личкомъ милы, щеголихи,
 Все мѣщаночки, купчихи—
 сошлось десять штукъ;
 Принесли они съ собою
 Въ узелкахъ пива съ ѣдою
 ставили подъ кустъ.
 И отправились по рощѣ,
 Кто одѣтъ изъ нихъ попроще,
 собирать сушнякъ.
 Сушнячокъ въ кучу сносили
 И костерчикъ сгородили,
 подожгли его.
 Сковородки чисто мыли,
 Яицъ свѣжихъ понабили—
 ставятъ на костеръ.

СТАВИЛИ ВСЕ ВЪ РЯДЪ.

Рвать цвѣточки принялся

Ими головы убрали

И потѣха началася

Голосочкомъ нѣжнымъ чистымъ

И къ сердцамъ мужчинъ привилось,

Никакихъ нибудь бродячихъ,

И на травку положились,

Всѣ они на двѣвѣ косятъ,

Подойтти же къ нимъ стыдятся—
 приличія долгъ.
 Пѣсню дѣвы покончали,
 Кавалеровъ приглашали
 пировать съ собой.
 Кавалеры не стѣснялись,
 Отъ добра не отказались—
 пиръ идетъ горой.
 Пиво головы вскружило,
 Сердце радостью забило—
 кипятится кровь.
 Чинъ окончился бесѣды
 Началась игра въ сосѣди—
 сговорились тутъ.
 Сговорившись, согласились
 И на пары раздѣлились
 въ горѣлки играть.
 Тѣ горѣлки продолжались,
 Вотъ ужъ звѣзды показались,
 а домой нейдутъ.

Житейское море.

Посмотри на житейское море
 Какъ бурливо, какъ шумно оно!
 На его необъятномъ просторѣ

Грозить каждому путнику зло!
 Ты плывешь, берегись, натолкнешься
 На бурливую силу,
 Отъ толчка кувыркомъ первернешься,
 Пропадешь безъ желанья пропасть;
 Честолюбію нѣту размѣровъ,
 Властолюбію нѣту границъ,—
 Вотъ быть каждый желаетъ примѣромъ
 И громадною птицей изъ птицъ;
 За могучею степень вліянья,
 За вѣсскую въ обществѣ силу
 Поражается знакъ припинанья:
 Живымъ зарываютъ въ могилу.—
 А что было, то будетъ во вѣки
 И въ нашъ вѣкъ—утонченнаго зла,
 Ни одно топитъ море, и рѣки,
 Ужъ трясемся при встрѣчѣ ручья.

Азъ—я.

Буква первая есть „азъ“—
 Я по русски означаетъ,
 И я главную у насъ
 Роль житейскую играетъ.—
 Азъ не ты азомъ назваль,
 А другіе указали;

Не самъ жизнь свою началъ,
А другіе тебѣ дали.
Все ты видишь предъ собой,
Да что видишь, то чужое;
Если самъ ты, да не свой,
Не твое жъ и остальное;
Коль учить ты долженъ все,
Съ себя науку начинай!
Такъ узнаешь кое что,
О многомъ лишнемъ не мечтай,
Съ аза азбуку началъ,
Такъ съ я и жизнь ты начинай:
Азъ тебѣ путь указалъ
И я укажетъ,—понимай!
Школа съ жизнью друзья—
Вѣчно связаны трудами,—
Въ школѣ въ жизни наше я
Все опутано сѣтями;
Коль я аза не узналъ,
То ужъ азбуки незнаю;
Коль твое я не понялъ,
Такъ тебя не понимаю.—
Хочешь азбуку ты знать,
Такъ навсегда ужъ азъ замѣть,
Тогда будешь ты читать

И будешь грамотѣ умѣть.—
Если хочешь въ жизни жить,
Такъ я получше изучи,
Этимъ можешь ты добыть
Отъ рая ада всѣ ключи.—
Азъ не трудно заучить,
Похожъ онъ, видишь, на шалашъ,
Постарайся прочертить
И дѣлу этому шабашъ.—
Я труднѣе распознать,
Но все же нечего робѣть
Нужно къ дѣлу приступить
И я подробно разсмотрѣть.—
Я есть зеркало души,
Я портретъ есть человѣка,
Въ я всей жизни барыши,
Я для жизни есть аптека.
Изучай же это я,
Если хочешь жить счастливо,
Я изучишь, жизнь твоя
Потечетъ тогда терпимо.—
Вотъ къ кому съ нуждой пойдешь
Я тѣхъ, какъ слѣдуетъ держись
И повѣрь, что все найдешь;
Но только съ зломъ уже мирись.—

Тебѣ нужны мужики?
 Я крестьянское есть водка,
 Ну вотъ водки поднеси,
 И уважаетъ тебя сходка:
 Живо приговоръ дадутъ,
 Какой только пожелаешь,
 За трудъ денегъ не возьмутъ,
 Если ты ихъ угощаешь;
 Я мѣщанское—божба,
 Такъ вотъ невѣрь мѣщанъ божбѣ,
 И уйдешь ты отъ рожна,
 Вреда не сдѣлаешь себѣ,
 Я купцовъ—обмѣрь, обвѣсь,
 Но плюй на эти пустяки!
 Льсти купцамъ въ глаза, какъ бѣсь,
 Предъ всѣми честность ихъ хвали;
 Вотъ какъ въ милость попадешь,
 Тогда вздохнешь во весь животъ:
 Въ долгъ у нихъ товаръ возьмешь
 И жить тутъ станешь на ихъ счетъ.

Зло изъ золь.

Изъ всѣхъ золь, что есть въ юдоли
 Хуже нѣтъ зла-злой жены:
 Не радъ жизни, не радъ доли

Отъ вседневной кутерьмы;
 Съ лучемъ солнца сердце гложетъ
 И тревожитъ грудь твою,
 Всѣхъ калѣчить, всѣхъ убожить—
 И прислугу и семью;
 Безъ вины кричить, зѣваетъ,
 Безъ причинъ заводитъ брань;
 Всѣхъ злословить, осуждаетъ,
 Зломъ пропитанная, дрянъ;
 Ее лаской не исправишь
 И бичемъ не укротишь;
 Отъ бѣды себя избавишь
 Только тѣмъ, что убѣжишь.

Выборъ невѣсты.

Другъ построилъ большой домъ,
 Задумалъ жениться,
 Приѣзжаетъ вечеркомъ.
 Думой подѣлиться;
 Хоть жениться не напастъ
 И жениться должно,
 Но чрезъ жонку и пропасть
 Каждому возможно;
 Другъ имѣлъ созрѣлый умъ,
 Тридцать лѣтъ отъ роду,

Такъ жениться на обумъ
Не входило въ моду;
Всѣ дѣлишки дѣлалъ онъ
Послѣ размышленья,
Это умныхъ всѣхъ законъ —
Избѣчь искушенья;
Вотъ мы сѣли за чаекъ,
Вопросомъ занялись,
Досталъ списокъ мой дружокъ,
За выборъ принялись;
Невѣсть коробъ непочать,
Выбирай любую!
Другъ красивъ, уменъ, богатъ, —
Влюбить и святую. —
Чертой списокъ раздѣленъ
На чины, разряды,
Разрядъ первый прочелъ онъ —
И вотъ результаты. —
За дѣвицей каждый тутъ
Значится имѣнье,
Знакомъ каждой институтъ —
Высшее ученье;
Съ этимъ вмѣстѣ красота
Сердце обольщаютъ;
Но вотъ доводы ума

Съ сердцемъ въ споръ вступаютъ;
Капиталь умъ не причемъ,
Если жены нѣту,
И толкуютъ „что по чемъ?“
Мы на тему эту;
Не летимъ во облака,
Судимъ по людскому
И пословицу сюда
Приводимъ въ основу.—
Мужъ лишь любить жену ту,
Что тѣломъ здорова,—
Тѣло въ брачествѣ всему
Первая основа;
А вторая треба съ ней—
Быть хозяйкой дома,
Кормить грудью дѣтей,
Смотрѣть за всѣмъ въ оба,
Умѣть стряпать и стирать
И обшить дѣтишекъ,
По дѣламъ неуповать
На Матренъ, Маришекъ;—
Горе встрѣтитъ на вѣку
Каждому возможно,
Такъ готовымъ быть къ нему
Каждому и должно.—

Третья треба отъ жены,
Чтобъ была покорна,
Была другомъ тишины
И съ мужемъ невздорна:
Голова въ семействѣ—ладъ,
Съ нимъ все выносимо,
Миръ въ семействѣ—это кладъ,
Живется счастливо.
Послѣднее желанье—
Умѣть читать, писать
И это свое знанье
Всѣмъ дѣтямъ передать.
Но житейскихъ этихъ требъ
Институтъ не знаетъ,
Выпуская дѣву въ свѣтъ—
Другимъ надѣляетъ,—
Знаютъ дѣвушки рояль,
Танцы и языки,
Учатъ книжки, всяку враль,
А для жизни жидки.—
Институтки заурядъ
Нервами страдаютъ
И къ потомству этотъ ядъ
Сильно прививаютъ;
Гдѣ же нервы, какъ струна,

Звучать постоянно,
Въ той ужъ жизни сатана
Гостить безпрестанно,—
Гротъ на докторъ женать,
Чужихъ она лѣчитъ,
А для Грота жена—адъ:
Безбожно калѣчитъ.
Во второмъ разрядѣ тожъ
Ненашлось пшеницы:
Красоты выборъ хорошъ,
Да первымъ сестрицы.—
Тутъ тожъ дѣвушки ума,
Мастерицы дѣла,
Но во всѣхъ одна бѣда—
Нѣтъ здраваго тѣла;
Тутъ бонны, фельдшерицы,
Учительши села,
Акушерки, пѣвицы—
И эта дѣвъ семья
Въ груди носить смѣлый духъ,
А любви ни крошки,
Для всѣхъ ихъ сожитель, другъ,
Что мышка для кошки.—
Кто изъ нихъ жену поялъ,
Типомъ былъ терпѣнья:

Съ женой дѣтокъ наживалъ
Слабыхъ отъ рожденья. —
Разрядъ третій — очень простъ —
Въ немъ ученыхъ нѣту,
Весъ онъ выросъ во весь ростъ
Дома, не по свѣту;
Выросъ онъ въ семьѣ родной,
Матерью обученъ,
Былъ для матери слугой,
Книгою не мученъ;
Сестеръ, братьевъ онъ порой
Нянчилъ и покоилъ;
Стражемъ былъ по кладовой,
Мыль, обѣдъ готовилъ;
Дальше дома — никуда
Вѣтромъ не носился,
Быть довольнымъ всѣмъ всегда
Съ дѣтства приучился;
О театрахъ, о балахъ
Ничего не знаетъ, —
Одну службу, что въ церквахъ,
Въ праздникъ посѣщаетъ. —
На разрядъ этомъ другъ
Вдругъ остановился;

Чрезъ недѣлю прошолъ слухъ,
Что онъ и женился.

Разлука.

Прощай страна моя родная—
Мой домъ, могилы и друзья,
Прощай отчизна дорогая—
Десна, лѣса, луга, поля
Я въ край чужой несусь волною,
За горизонтъ скрываюсь твой,—
Когда увижуся съ тобою?
То не открыто мнѣ судьбой.—
Тяжолъ мой жребій—судьбой данный—
Я росъ и выросъ сиротой,
Такъ предъ разлукою бездарный
Тебя дарю одной слезой;
Пускай омочетъ на прощанье
Отпѣтый прахъ моихъ родныхъ,
Проникнетъ въ гробы и страданье
Снесетъ туда къ остаткамъ ихъ.—
Быть можетъ тамъ въ краю далекомъ
Себѣ я счастье найду,
Но и тогда съ глубокимъ вздохомъ
Тебя, родную, вспомяну.—
Жестоко больно и несносно

Съ трехъ лѣтъ до мужества страдать,
Но горечь мнѣ была выносна:
Съ родною сносно горевать.—
Мнѣ черствый твой сухарь съ водою
Вкуснѣй былъ блюда богачей,
Жилось покойно и сумою,—
Незналъ безсонныхъ я ночей;
Желалъ-бы я не разлучаться,
Могилъ родныхъ не покидать,
Да не хочу съ судьбой сражаться:
Насильно милымъ не бывать!
Предъ грознымъ рокомъ я смиряюсь,
Пусть будетъ то, чему и быть,
Коль рокъ судилъ, съ тобой прощаюсь,
Но не ручаюсь—забыть.—

